

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

21 мая 1985

ОЖНИК И ВРЕМЯ

«Хочу достоинства я чтить...»

К 250-летию
выдающегося

русского
художника

Д. Г. Левицкого

Его жизнь — яркая,
удивительная
и полнокровная в своем
зените — началась
и закончилась
в безвестности
и бедности. До сих пор
она окутана тайнами
и легендами, загадками
и домыслами. До сих
пор она вот уже
более двухсот лет
волнует ученых
и писателей...

Но искусство его,
пленительное, трепетное
и душевное, также
вот уже более двухсот
лет привлекает наши
сердца и умы, ибо оно
стремится сделать
лучше мир и людей,
в нем живущих.

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА Новикова, замечательного русского мыслителя XVIII века, живописец Левицкий писал последний раз в 1797 году. То был Новиков, освобожденный из одиночной камеры Шлиссельбургской крепости... Кончалось столетие, кончался бурный короткий всплеск творчества великого художника, кончалась смелая жизнь его друга... Левицкий изобразил Новикова словно бы на секунду прервавшим свою речь в споре: рука поднимается вверх, на чем-то настаивал; на устах замерло полувывсказанное слово; глаза горят сознанием своей гордой правды. Через несколько десятилетий Чаадаев скажет, что был потрясен «немотой русских лиц». Наверное, он не видел новиковского портрета. Человек в холсте Левицкого говорит, настаивает, вызывает. Можно сказать, что темой этого холста, особенного даже для уникального искусства Дмитрия Григорьевича Левицкого, является несомненная личность, более того — немолчаливая личность. Необычайная жажда совершенной жизни, высокое и ясное горение духа захватывают зрителя, почти через два века глядящегося в черты легендарного Новикова. Жаркое бытие этого человека, соединение в нем свободы и любви волнует необычайно.

О мастерстве Левицкого русские и советские писатели, художники, ученые рассказали много и подробно. Эта фигура интересовала Стасова и Бенуа, Буслая и Грабаря, Забелина и Н. Врангеля, Крамского и Курбатова, Пыпина и Скворцова, Голлербаха и Эрнста, Н. Коваленскую и Н. Чегодаеву. Список авторов огромен, художественный авторитет живописца бесспорен. А тайна его жизни — горькой, трудной, начатой и оконченной в безвестности и бедности — так и не открылась никому.

Общая канва этой жизни укладывается в несколько фраз. Родился на Украине 250 лет назад в семье гравера; помогал Антропову в росписях Андреевского собора в Киеве, а потом в декорационном убранстве Москвы в дни коронации Екатерины; переехал в Петербург и очень быстро прославился дивными своими портретами; был профессором Академии художеств; купил дом на Кадетской (ныне Съездовской) линии Васильевского острова — перестроенный дом стоит и поныне... Слава и богатство (невеликое, впрочем, богатство, ведь праведными трудами) растаяли в конце XVIII столетия, а после этого Левицкий прожил еще целых четверть века. Все? В основном все. Остальное ведомо из немногих документов и писем, а главное — из гениальной живописи Левицкого. «Этого художника я глубоко уважаю», — говорил суровый, не склонный к пнетету Крамской. А восторженный и щедрый Грабарь, чье веское слово заставляет задуматься, писал о Левицком: «В его созданиях разлита такая ласковость и душевная теплота, что рядом с ними не только искусство Рейнольдса превращается в холодное локачество, но и музыкальное творчество Гейнсборо кажется слишком деланным, изящество его чересчур назойливым и приемы — заученными, а иногда даже банальными».

Я сказала об этой фразе «заставляет задуматься». О чем же? Что Левицкий стоит выше английских портретистов? Так ли важно всегда относительное «выше»... Что Грабарь разделял пушкинское понятие «слишком много искусства»? И что презирал «много»... Нет, прежде всего — о таланте любить и отстаивать любимое, проводя историческое — по горизонтали времени, а не по вертикали вре-

мен — сравнение. Но главное — о нравственном максимализме в эстетическом суждении. Никак иначе и нельзя размышлять о Левицком, великом художнике, который не смог (как, впрочем, не смогли Гоголь, Толстой или Блок) остаться в пределах одного только искусства, стал мечтать о преобразении жизни и человека, и у него явилось сомнение в оправданности своего творчества. Было ли то влияние Новикова? Идей Радищева? Росшее в скромном и молчаливом человеке зерно его бесед с Дидро, чей портрет писал Левицкий во время гостевания французского просветителя в Петербурге? Серьезное отношение к пыльным словам того культурного, талантливого круга Державина — Львова, с которым Дмитрий Григорьевич был так близок в годы их и своего расцвета? А может, клич гайдамаков и едкая чумацкая соль вспомнились через годы и десятилетия в пышной северной столице? Во всяком случае мечта о совершенной жизни, противопоставленная идее совершенного искусства, тем более уже достигнутого и отвергаемого как все «сутое», привела Левицкого к мистицизму, одиночеству и полной нищете. Судьба, типическая в век Екатерины, Павла и Александра, когда в муках рождалась русская интеллигенция, потаенно утверждавшая свой высокий нравственный характер.

ДРУГОЕ дело, что сегодня нас интересует не сама по себе судьба Левицкого, а та часть его пути, которая отмечена высочайшим творческим взлетом. Последнее слово теряет свою банальность в суждении о Левицком. Истинный артист, он летал, был, как говорили когда-то, человеком стихии воздуха, а не стихии земли. И портретируя свои модели, кем бы те ни были, Дмитрий Григорьевич искал в их обликах романтический миг «отрыва от земного притяжения». Если характер персонажа был близок высокой душе живописца, холст становился чарующе воздушным. Мерцали глаза, чуть улыбался рот, струились подхваченные душистым ветром ткани. Не только в галерее девушек из Смольного института, прославившей Левицкого; не в одном лишь молодом портрете Марии Дьяковой, ставшей женой замечательного архитектора, ученого и поэта Николая Львова; и не только в изображении самого Львова-юноши сквозит эта воздушность, крылатость, особая приподнятость искусства Левицкого. Дидро — немолодой человек в домашнем халате усталого красного цвета; чета неведомых нам Митрофановых — женщина со счастливыми влюбленными глазами и ее умный меланхолик-муж; Екатерина Дашкова в парадном портрете, который по давней искусствоведческой аберрации принято считать не лучшей из работ мастера — все, все, кого касался проникающий в сердца и умы взгляд Левицкого, склонившегося перед человеческим достоинством, кажутся плывущими внутри жемчужного или голубого облака, обретшими «невесомость»...

Но как в то же время тяжелы, неподъемны, удручающе материальны портреты, писанные Левицким с императрицы Екатерины II, ее дегенеративно-уродливого сына, ее конфетно-сладенных внуков. Отчужденность и равнодушие царствующей фамилии ко всему на свете, внушаемое немцами на русском престоле повинование; бессовестная роскошь, гнетущая покорность и молчание окружающих — все это запечатлела кисть Левицкого, создавшего ироникопатетический апофеоз «Екатерина II в виде законодательницы». Кстати, царца картины этой не жаловала, хотя придворные часто за-

казывали художнику ее повторения для убранства своих новых дворцов.

Легко было бы заметить, что неудачи царских портретов определили немилость к Левицкому, оставленному и разоренному словно бы в одночасье. Но как ни противоречиво, сколь ни вольно древнее искусство составления биографий, этого сказать невозможно. Левицкого почитали Безбородко и Державин, а императрица умела учитывать просвещенные суждения. Великого художника не преследовали, не наказывали, его просто отвергли и забыли. Как и почему? Неизвестно. Какие-то были долги, тяжбы, слезные письма... Конкретного объяснения нет.

Судя по нервному, надломленному, физически изможденному герою «Автопортрета», Левицкий не был человеком, умеющим притворяться, льстить, «общаться». Живописец изобразил себя словно бы ожидающим, напряженным зрением и слухом, однако принадлежащим не минуте своего внутреннего бытия, даже не времени своей жизни, но вечности. Автопортрет маленький, интимный, словно бы дар художника самым близким, самым доверяющим его сердцу людям. Повторяю: не тем, которым доверяет он, живописец Левицкий (герой «Автопортрета» убежден, что много раз ошибался в своем доверии), но тем, кто понимает его мечты, его воздушные грезы о великом и прекрасном; тем, кто доверяет ему, Дмитрию Григорьевичу Левицкому, свои печалования, свои страдания о неправде и о рабстве, кто знает, что творить художник должен тогда лишь, когда его искусство целительно для души.

«Автопортрет» Левицкого — загадка о человеке, о его физической немощи и богатом духе, о страдающем и сострадающем таланте. Сухим горячим ветром обвеяно это чудесное лицо, слезятся глаза, едва удерживающие напряжение взгляда. Ветер отнес назад полуседы косматые кудри, а черты лица такие молодые, детски тонкие, нежные. Наверное, у Дмитрия Григорьевича голос был высокий, и говорил он с украинским придыханием. Так и слышишь около «Автопортрета» строфы Державина, близкие скрижалим Левицкого, читаемые этим высоким срывающимся голосом:

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которые в очах невежд
Шутов в вельможи нарывает;
Не пышности я песнь пою,
Не истуканы за кристаллом
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

В БОЛЬШОМ наследии Левицкого я люблю не самые прославленные его холсты. Ранний в его творчестве портрет архитектора и первого ректора петербургской Академии художеств Кокорнинова, веселого синеглазого красавца, повисшегося на чердаке построенного им здания. Горестная, недоумевающая правая рука его простирается над столом с чертежами... Очень люблю портрет дочери художника Агаша — его тоже принято считать второстепенным среди сокровищ Левицкого. Но какой тихой кротостью обладает девочка в украинском костюме, прикашавшая кончики пальцев к круглому и на взгляд теплому деревенскому хлебу. А из холодного синеватого окна за ее плечом падает на бледную щечку петербургский поздний рассвет. Все украинское яркое: наряд, скатерть на столе, сельанский хлеб, вышитая юбка... А через стекло тянет сыростью, нездоровьем, пустынною Васильевского острова. Да вот же они, дни и часы Левицкого, его тоска и одиночество, его малый, закрытый для всех домашний мир.

Неудивительно, что передвижник Крамской — один из лучших портретистов следующего века — неоднократно копировал холсты Левицкого. Думается, он учился ненавязчивому психологизму старого мастера, его умению глубоко понять человека, прочесть его судьбу в глазах и руках, этой труднейшей задаче портретиста.

Неудивительно, что в среде следующей генерации русских реалистов — мирискусников — именно Левицкий пользовался наибольшим вниманием. О нем писали, его исследовали, экспонировали максимальное количество его произведений, у него учились.

Учатся у Левицкого и ныне. Иногда стоишь в его зале в Русском музее, и кто-нибудь молодой, с веселым, честным взглядом юноши Львова повторяет сюжет мастера или хотя бы деталь. Однажды я видела, как будущий художник копировал стриженую головку Фенички Ржевской, младшей из всех смолян Левицкого. Трудно было студенту. Вроде бы светится бело-розовая кожа, смеются глаза подняты уголки губ. А лицо застыло, как в игре «Замри!», выражение напряженное, искусственное... Тот, кто сможет в точности повторить Левицкого, сам будет обладателем редчайшего дара. Но что попусту мечтать: гений неповторим. Тем более гений русский, презирающий искусство, если оно не может сделать лучше мир и человека.

Александра ПИСТУНОВА.

● Д. ЛЕВИЦКИЙ. «Автопортрет».